

Развитие идей исторической семиотики в двадцатом веке.

(Курсовая работа магистранта первого курса Русской Антропологической Школы РГГУ Савенкова А.Н. 2008г.)

1. Введение.
2. История развития семиотики.
3. Работа с историческим материалом.
4. Заключение.

Литература.

Ссылки.

Научный руководитель: И.А. Протопопова

Внешний оппонент: С.Д. Серебряный

Внутренний оппонент: В.В. Иванов

Введение.

Данная работа ставит своей задачей рассмотрение, анализ и перспективы применения одного из направлений семиотической науки. Это направление возникло в конце двадцатого века благодаря методологии, описанной академиком Георгием Степановичем Кнабе в статьях, посвящённых семиотике культуры. В них была воплощена идея концепции аналитического подхода к историческому исследованию посредством семиотических инструментов. Самый разнообразный исторический материал - текст, событие, предмет и т.д., рассматривается в ней, как язык исторического времени, его семиотический знак, прочтение которого может быть осуществлено через индентификацию его характеристик по четырём категориям свойств, которые будут аннотированы ниже. Также будет показано, каким образом по отношению к историко-культурному объекту исследования профессор Кнабе применяет качественно отличимую интерпретацию термина Жака Дарида "деконструкция", что является составной частью описательной схемы исторического означаемого, если она в нём присутствует как характеристика означаемого.

Анализ ещё одного компонента рассматриваемого метода восходит к Платоновской дилемме о наличии или отсутствии истины и проблеме её верификации - подхода к ней через персонификацию компонентов дихотомического ряда: истина и означаемое - и истина и означаемое.

Доктор философских наук Сергей Дмитриевич Серебряный на своих лекциях настоятельно рекомендует даже самые общепринятые понятия и термины наделять авторским определением,

причём желательно в самом начале текста. В связи с этим я сформулирую значение, поясняющее термин "историческая семиотика" .

Итак, "историческая семиотика" - это не исторические этапы развития семиотического знания, а семиотический метод подхода к историческому исследованию, называемый у Георгия Степановича Кнабе семиотикой культуры. Почему же для моей работы я употребил термин "историческая семиотика", а не "семиотика культуры"? Дело в том, что, в связи с описанной в четвёртом томе семиотических исследований В.В. Иванова жизнью знаков во внекультурной, т.е. нечеловеческой среде, я не могу быть уверен, что методология профессора Кнабе может быть неприменима во внекультурной истории, т.е. истории дочеловеческой и внечеловеческой. Поэтому, в качестве временного компромисса, предлагаю термин семиотика "историческая " или "культурно-историческая".

Данная работа предполагает поставить вопрос о персонификации "исторической семиотики", как отдельного направления научного познания. На основании методологического и терминологического отличия, связанного с иным характером объекта исследования, нежели семиотика де Соссюра, семиотика французских структуралистов и семиотика российской научной традиции двадцатого века (Бахтин и Московско-Тартусская Школа) (в нашем случае "знак" читается, как характеристика объекта истории, никоим образом, без применения метода "исторической семиотики", не прочитываемая).

Экскурс по этапам развития семиотического знания для данной работы представляет в том смысле интерес, в каком относится только к истории самого культурно - исторического метода непосредственно. Эти этапы коротко изложены в следующей части.

2. История развития семиотики.

Начать экскурс по этапам развития семиотического знания к положениям исторической семиотики (с этого момента пишу без кавычек) предпочтительно с работы В.В. Иванова «Очерки по истории семиотики в СССР». «В настоящей книге обращено внимание именно на те стороны истории семиотики, которые позволяют говорить и о наличии особого направления в ней, связанного не только с лингвистическим и металингвистическим исследованием словесных текстов, но и с изучением целого ряда знаковых систем искусства», а значит и объектов культурно-исторического исследования «в их соотношении с другими знаковыми системами» (1).

Обратимся к краткой энциклопедической справке. Как научная теория семиотика начала развиваться в конце 19 - начале 20 в. Постепенно у нее обнаруживаются все более глубокие корни в учениях Аристотеля, Филона Александрийского, стоиков, Августина Блаженного, в логических учениях схоластики, в философии Гоббса, Локка, в логико-математических работах Лейбница, в исследованиях по языкознанию Потемнина, Гумбольдта и др. Основные принципы "науки о знаках" были сформулированы Чарльзом Пирсом, стремившимся к созданию логики науки, объясняющей процесс приобретения научных знаний, репрезентирующих реальность.

Он выделил параметры семиотического функционирования - репрезентант, интерпретант, референт ("триадическая природа знака"), дал первую классификацию знаков (иконический знак - индекс - символ), исследовал процесс функционирования знака - семиозис.

Если Чарльз Пирс развивал логическую линию семиотики, то лингвистическая ветвь разрабатывалась в трудах Фердинанда де Соссюра, мыслившего "семиологию" как науку,

"изучающую жизнь знаков внутри жизни общества", в которую лингвистика должна была входить как основная часть.

Исходной единицей анализа, по Соссюру, является знак, представляющий собой отношение между означаемым (план содержания) и означающим (акустический образ, план выражения), связь которых произвольна (Бенвенист же позднее уточнял, что произвольно лишь отношение целостного знака к реальности, но не отношения компонентов знака между собой).

Семиотика Чарльза Пирса получила развитие в трудах таких деятелей науки, как Чарльз Моррис, Умберто Эко и др.

Семиологию же Соссюра развивали Л. Ельмслев, Бенвенист, Ю. М. Лотман и структуралисты.

Таким образом, возникли две семиотические парадигмы: семиотика знака и семиотика языка как знаковой системы (вопрос об употреблении терминов "семиотика" и "семиология" остается открытым, но в энциклопедических справках они пока трактуются как синонимы). Первая сосредотачивает внимание исследователя на изолированном знаке, на отношении знака к значению, к адресату; на процессе семиозиса, т.е. превращения не-знака в знак и трех его измерениях:

- 1) синтактика - сфера внутренних отношений между знаками;
- 2) семантика - отношения между знаками и их объектами;
- 3) прагматика - отношения между знаками и теми, кто ими пользуется.

Альтернативная же концепция, лингвистическая, делает акцент на реляционной сущности языка, на специфике знака как функции.

Существует и третья тенденция, выражающая стремление снять противоречие между этими двумя позициями. Так, Умберто Эко доказывает, что понятия знака и семиозиса не являются несовместимыми: означаемое может быть схвачено только как результат интерпретативного процесса, сущность знака раскрывается благодаря неограниченному семиозису, выражающему то, что значения никогда не застывают в замкнутую и окончательную систему, поскольку мир знаков в процессе коммуникации находится в постоянном движении, структура кодов беспрерывно перестраивается. Но это определение скорее ближе к теориям Чарльза Пирса.

По мере развития лингвистической семиотики понятие «знак» постепенно отходило на второй план, уступая место понятию «текст» - интегративному знаку, проводнику функции и значения, применяемому для обозначения любой связанной последовательности знаков-высказываний. Этот шаг был сделан структурализмом и в нём уже видны черты будущей исторической семиотики.

Выход за пределы исследования только внутрисистемных отношений наметился в ходе последующего развития. Традиционно семиотика различает два уровня в сообщении: денотативный (фактическое сообщение) и коннотативный (дополнительное значение, социокультурно обусловленная символическая нагрузка). Это, собственно, - опыт пережитых оценочных значений исторического индивида, являющихся, по совокупности, мотивацией для «означающих» или «означающего» данное «означаемое», в соответствии с его временным

месторасположением в истории по отношению к историческому объекту, по С.Г. Кнабе - как «означаемому», где искомым знаком являются смысловые характеристики объекта исторического исследования.

Вот предыстория этого положения в научном дискурсе:

Любой язык представляет собой комбинацию денотативного и коннотативного — такова динамическая реальность семиотической системы.

Внимание к коннотативным означающим, повлекшее за собой дискуссию о семиотической коммуникации и семиотической сигнификации, означало переход от изучения знаковых систем, непосредственно осознаваемых и сознательно используемых людьми, к неосознаваемым знаковым системам.

Учёные разделились на два лагеря.

Одни настаивали на сосюрианском тезисе предопределенности означаемого и означающего, и не интересовались дополнительными значениями, разрушающими структуру кода, без которого коммуникация невозможна, а другие наполняли жесткий семиотический базис реальным социокультурным содержанием, перенося внимание на сам процесс порождения смысла (к ним относились Ельмслев и Р.Барт). Дискурс явился переходом к семиотическому изучению социального бессознательного и открытию для семиотики новых областей исследования.

"Сегодня семиотика представляет собой довольно развитую теорию, методы которой позволяют анализировать самые разнообразные сферы человеческой деятельности; проводятся исследования по семиотике литературы (русская "формальная школа", группа "Тель Кель", Р.Барт, Деррида);

-по политической семиологии (Р.Барт, "Тель Кель");

-по семиотике массовых коммуникаций (А.-Ж.Греймас);

-по семиотике искусства (Кристева, У. Эко);

-кино (К. Метц, П.Пазолини);

-театра (П.Пави);

-по зоосемиотике (Себеок);

-по психоаналитической и педагогической семиологии (Лакан, Пиаже) и т.д.»

«...особенное внимание уделяется сфере междисциплинарных исследований - семиотике культуры, исследующей культуру как иерархию знаковых систем и имеющую свою логику развития, фиксируемую семиотическими практиками (начало этим исследованиям положила Московско-Тартусская школа). Каждой эпохе свойственен свой семиотический стиль, свои способы интерпретации текстов, в результате чего композиция и корреляция отдельных семиотических систем определяют тип культуры»(2).

Событием в этом направлении стала изданная в 2007 году работа академика В.В.Иванова «Введение в описательную семиотику»(3), где рассматривается огромный спектр практических выражений систем знаковых коммуникаций от простейших организмов до «человека разумного».

Тематика работы в значительной степени восходит к более раннему, ставшему уже классикой исследованию, отражённому в книге под названием «Чёт и нечет»(4). Исследование расширило границы семиотической науки до рубежей, не связанных с культурной деятельностью человека. В ней показано, насколько строго взаимосвязаны культурно-семиотические модели, которые использует человечество для обмена информацией, с биологической природой и функциями различных отделов головного мозга.

Вот пролог, с которым соотносимо появление метода исторической семиотики. Метод этот изложен в труде Георгия Степановича Кнабе, написанном в 1993 году и изданном в сборнике «Древо познания и древо жизни». Раздел - «Семиотика культуры»(5).

Ниже, в форме оригинального анализа, будут проиллюстрированы связи и отличия рассматриваемой методологии с предшествующими семиотическими положениями. Анализ посвящен рассмотрению важных моментов существующей теории Чарльза Пирса. Особое внимание я призываю обратить на прямую связь нового метода с отечественной семиотической традицией, выраженной в работах российских учёных девятнадцатого – двадцатого века.

Мне представляется своевременным, поскольку исторический метод в русской семиотической традиции имеет глубокие корни, обратиться к тексту ранее означенной книги В.В.Иванова «Очерки по истории семиотики в СССР» и зачитать следующее:

«Для того, чтобы оценить то, в какой мере в трудах ученых двадцатых годов уже были подготовлены основные идеи, касающиеся понимания языкового знака, достаточно сопоставить формулы, принадлежащие Г.Г. Шпету и М.М. Бахтину. Согласно Шпету, который исходил из «определения социальной вещи, как осмысленного знака, и в то же время, как средства (орудия труда и творчества)» (Шпет 1927а: 188), основной интерес представляет выяснение того, как «в данности единого материального знака, слова, воплощается и конденсируется единство культурного смыслового и субъективного содержания» (Шпет 1927а: 203).

К этому же кругу идей был близок в своих ранних работах М.М. Бахтин, утверждавший, что «рядом с природными явлениями, предметами техники и продуктами потребления существует особый мир – мир знаков. Знаки также – единичные материальные вещи и, как мы видели, любая вещь природы, техники, при потреблении, может сделаться знаком, но при этом она приобретает значение, выходящее за пределы ее единичной данности» (Волошинов 1929: 16).

Это понимание знака в тридцатые годы было подхвачено П.Г. Богатыревым, использовавшим его в своих замечательных исследованиях, посвященных одежде (и некоторым другим этнологическим явлениям) как знаку (Богатырев 1971); тем самым получала конкретное наполнение программа развития этнологии как семиотической дисциплины. В те же годы П.А. Флоренский (до того, как стали известны идеи Соссюра) высказал глубокие мысли о наличии связи «символизирующего» и «символизируемого» (ср. «означающее» и «означаемое» у Соссюра) и позднее приступил к реализации целой программы создания особого тезауруса универсальных символов (Symbiolarium'a, Флоренский 1971).

Эта программа предвосхищала направление наиболее существенных семиотических исследований 60–70-х годов нашего века, посвященных таким универсальным семиотическим комплексам, как мировое дерево (Топоров 1964, 1965, 1972, 1973) (Обратим внимание на традицию, читаемую в названии сборника профессора Кнабе: «Древо познания и древо жизни» (5)). Идея этой программы была изложена П.А. Флоренским еще в 1904 г., когда он писал:

«Символизирующее и символизируемое не случайно связывается между собой. Можно исторически доказать параллельность символики разных народов и разных времен» (письмо А. Белому, 18 VI.1904, ЦГАЛИ). Здесь был намечен важный для разных разделов гуманитарной семиотики путь сопоставления разных знаковых систем, в которых степень обусловленности означающей стороны знака различна.

По близкому пути шло семиотическое исследование эстетических знаковых систем у М.М. Бахтина, который в своей критике «материальной эстетики» ОПОЯЗ'а (ср. сходную семиотическую критику этой эстетики у Л.С. Выготского). Выготский наметил целую программу изучения знаковых систем (позднее названных «вторичными моделирующими»), в которых означающее и означаемое взаимно зависимы в отличие от обычного языка»(6). Вышесказанное подводит к положению о том, что наука история может быть более точна и менее опровержима в своих утверждениях, если семиотика окажется способной прочесть язык её артефактов, объектов архитектуры, различных мод на одежду, и, как означающее, переживаний, связанных с их созданием.

Мода и архитектура в работах Г.С. Кнабе выступает в качестве важной смысловой величины голоса времени. Необходимо лишь уметь прочесть её семиотическое значение.

Эта задача автономно присутствовала в отечественной науке независимо от развития инокультурной семиотической мысли. Ещё раз вспомним об исследованиях П.Г. Богатырева «посвященных одежде (и некоторым другим этнологическим явлениям) как знаку», вспомним П. Флоренского с его «символизирующим и символизируемым». Сборник «Древо познания и древо жизни» является частью традиции семиотических исследований 60–70-х годов двадцатого века В.Н.Топорова, «посвященных таким универсальным семиотическим комплексам, как мировое дерево»(7).

Речь в сборнике Кнабе так же восходит и к ещё более древней, греческой традиции в науке, связанной с проблемой истины, как главной нравственной цели познания вообще и исторической науки в частности.

Об истине, как величине, присутствующей в историческом процессе, возможно, имеющей некоторые математические значения, будет сказано ниже. Метафора о привитии древа познания к древу жизни символизирует знаковую природу истины. «Означающее» и «означаемое» в сопоставлении обнаруживают некий поток информации, характеризующий объект исследования. В этом потоке «означаемое» есть денотативное сообщение о предмете исследования, а «означающее» есть социо-культурно обусловленная символическая нагрузка, опыт культурно-понятийной, в смысле языковых понятий, традиции, т.е. опыт пережитых оценочных значений исторического исследователя, являющихся, по совокупности, мотивацией для «означающих» или «означающего» данное «означаемое».

Истина характеризуется здесь как воспринимаемая, если исследователь потенциально способен осуществить вышеозначенную «прививку». Если целью его работы действительно был поиск истины.

Сегодня российская наука переживает пресечение отождествления себя с одноимённой научной и культурной традицией. Молодые её представители с остревением, достойным лучшего применения, увлечены толкованием «технических» переводов с французского языка франко-американской публицистики, сиюминутно заняв новые территории не только в поле

отечественного семиотического знания, но и в других научных дисциплинах. Между тем, эти переводы являются лишь означаемым, где их означающим, фактически - "акустическим образом - планом выражения" (по Соссюру), является даже не язык французских историко-культурных смыслов, которыми надо думать и жить, чтобы осознать их, а «деконструкция» переводчика, чаще всего никак не пережившего «план содержания» темы, или пережившего прочитанное сугубо «по-своему». В самом деле, можно ли понять французское мышлестроение, не пережив его во французской культуре в качестве лично-эмоционального опыта? Это большой вопрос. Когда речь идёт не о стоимости картофеля на рынке, а о категориях, связанных, например, с культурными состояниями индивида, слова «мораль» и «нравственность», имеющие для француза один и тот же перевод - «la morale», для русского с неупрощённым языковым восприятием имеют весьма разные значения. Они приобретаются через личный опыт пережитых желаний и чаяний в мире многовековых российских и до-русских культурных традиций. Слово «мораль», например, в отечественной традиции связано с условным контролем индивида «снаружи», а «нравственность» – изнутри. Во франко-культурном понимании же этого разделения нет. Поэтому, само собой, ценность русско-мыслящего автора для мировой науки заключается не в том, насколько хорошо он вжился в язык понятий франко-американского культурного поля, а в том, с какой степенью истинности он способен понять и выразить поле своё. Разумеется, если речь идёт об исследовании, а не о популяризации подготавливаемого к сбыту продукта. В последнем случае труд публициста - лишь "балет категорий", как назвал подобное явление Г.С. Кнабе в своей работе.

К этому отметим, что, с другой стороны, исследование характера отношений между означающей и означаемой языкового знака, начиная с античной науки и средневековой логики, показывает: "основные идеи даже Фердинанда де Соссюра (Соссюр 1976) в существенной степени были уже подготовлены всем предшествующим развитием семиотических исследований."(8). Всё это следовало отметить в рамках предыстории формирования методологии, применимой к любому историческому объекту, даже к такому, как современная или историческая философская научная теория.

В этом мы убедимся ниже на примере рассмотрения теории Чарльза Пирса, являющейся, по своим семиотическим характеристикам, еще и историко – культурным семиотическим знаком.

Этот анализ будет произведён в следующей части данной работы.

Позиция учёного является знаком своего времени сама по себе. Оправданность или целесообразность его действий читается как означаемое, а оценка их, как соответствующих каким-либо нормам и конструктивным принципам, как означающее.

Однако, истинность содержания знака возможно читать лишь через его свойства, подробное изложение которых будет произведено в ходе историко-семиотического анализа идей Чарльза Пирса, как знака исторического времени.

3. Работа с историческим материалом.

Семиотические идеи Ч.С.Пирса, как объект историко-культурного семиотического анализа.

Идеи исторической семиотики двадцатого века во многом восходят к семиотике Чарльза Пирса. Общие принципы, на которые она опирается, были сформулированы американским философом, физиком и математиком и его последователями в конце девятнадцатого века.

Чарльз Сандерс Пирс(9) родился 10 сентября 1839 года в Кембридже (шт. Массачусетс) в семье профессора математики и астрономии Гарвардского университета Бенджамина Пирса.

Он автор многочисленных работ не только по математике и физике, но и химии, филологии, философии, истории религии, истории философии, логике и других, которые, по большей части, остались незаконченными и неопубликованными при его жизни. В 30–50-х годах 20 в. в США было предпринято 8-томное критическое издание сочинений. Однако, фактически, им был закончен только один большой труд – Великая логика(10).

Глубокое влияние на Пирса оказал Кант, который, по его мнению, сумел поставить все важнейшие философские проблемы.

Наиболее известны две работы Пирса: «Обоснование мнения» (11) и «Как сделать наши идеи ясными» (12).

В России - в 1983 г. в сборнике "Семиотика"(13) увидели свет фрагменты из подборки "Элементы логики", а в 1996 г. в "Вопросах философии" (№ 12) были опубликованы две его знаменитые статьи "Закрепление верования" и "Как сделать наши идеи ясными". Ещё - в 2000 году - на русском языке вышли два тома избранных работ Чарльза Пирса(14).

Рассмотрением существа теорий учёного, как объектов исторического исследования, я намерен осуществить подход, являющийся частью методологического анализа историко - культурной семиотики Г.С. Кнабе, таким образом демонстрируя его функциональные возможности, и - вместе с тем - связь с положениями о содержании самого объекта истории - семиотической теории Чарльза Пирса.

Речь в данном эксперименте идёт об историческом материале, то есть о семиотических концепциях исторического лица, которым на сегодняшний день является сам Чарльз Сандерс Пирс.

Итак, для рассмотрения текстов основоположника семиотики, как некоего знака, во избежание ошибок, связанных с «балетом категорий», указанных выше, необходимо принять к рассмотрению соответствующий знаку цикл семиозиса.

Что такое семиозис?

Термин семиозис происходит от др.- греч. слова «обозначение». Он принят в семиотике и определяет процесс интерпретации знака, или процесс порождения значения.

Термином семиозис пользовались древнегреческие физиологи, в частности, Гален из Пергама для постановки диагноза. Семиозис означал интерпретацию симптомов(15).

Пирс применил понятие семиозис для характеристики триадической природы элементарного знакового отношения объект - знак - интерпретанта. Этот треугольник имеет некое отражение в работах известного немецкого логика и математика Готтлоба Фреге(16) и современного учёного Сергея Дмитриевича Серебряного. Вспомним концепцию взаимоотношений трёх компонентов:

"слово - понятие - вещь"(17). Каким же образом можно рассмотреть семиозис идеи в различном историческом времени?..

Для Пирса именно понятие семиозиса было центральным понятием его семиотической теории. Знак не функционирует как знак до тех пор, пока он не осмысливается как таковой. Иначе говоря, знаки должны быть интерпретированы, чтобы быть знаками. Согласно Пирсу, осуществляется это знание благодаря интерпретанте. Интерпретанта - это перевод, истолкование в последующем знаке (например, определенная реакция человека на воспринимаемый знак; объяснение значения данного слова с помощью других слов и т. д.). Каждый знак способен порождать интерпретанту и этот процесс фактически бесконечен. Если предположить гипотетическое существование самой последней, самой сложной, исчерпывающей и завершающей интерпретанты данного объекта, то эта интерпретанта может быть ни чем иным, как самим объектом, целиком явленным нашему сознанию. Но такой объект, а равно и такой знак (как физически тождественные друг другу), невозможны и не существуют. Стало быть, процесс интерпретации безграничен. Семиозис - это динамические интерпретации знака, единственно возможный способ его функционирования. Семиозис, также, это деятельность знака по производству своей интерпретанты.

Однако познание знака возможно лишь через исследование порожденных им знаков(18).

Условным же циклом семиозиса рассматриваемого историко-культурного объекта является не просто отношение означающего к означаемому, характеризующее знак, как это имеет место в ряде лингвистических теорий вне историко-семиотического подхода, а речь идёт о Тексте, связываемом с процессом пирсовского семиозиса и с «эмоционально-бытовым состоянием» эпохи, в которой жил и частью которой являлся автор, означивший ряд означаемых, где современный исследователь является адресатом, означающим, когда - то означенное и ставшее означаемым содержание Текста, как это подробно изложено в курсе «Семиотика культуры» Г.С.Кнабе. Речь идёт о Тексте не как литературно-лингвистическом объекте исследования, а как об историко-культурном объекте, несущем некий набор информации.

Бинарность этой ситуации обусловлена двойственным происхождением семиотики, как возникшей одновременно, из независимых друг от друга, научных областей: в философско-физико-математическом поле (Чарльз Пирс) и лингвистическом (Фердинанд де Соссюр).

Теперь подытожу это положение о цикле семиозиса.

К циклу историко-культурного процесса семиозиса добавляется ещё одно означаемое!

Цикл становится завершённым, когда возникает третий компонент: означаемое означенного (означающего) историческим автором. То есть, когда "третье лицо" («адресат») знакомится с текстом и означает его в соответствии со своим образовательным уровнем и личным жизненным опытом. Где так называемым "первым лицом" является "вещь" - неverified набор положений; "вторым лицом" является его интерпретация или "слово", т.е. семиотическая теория о положениях, и "третьим лицом" является "понятие", интерпретируемое современным исследователем.

Теперь цикл историко-культурного семиозиса можно признать полным.

Принцип третьего компонента вполне отвечает принципу прагматизма Чарльза Пирса. Он задаёт вопрос: «Обдумаем, какие последствия, способные обладать практической значимостью, будет, по нашему представлению, иметь рассматриваемый нами объект. Наше представление об этих последствиях и есть наше полное представление о данном объекте»(19). В другой формулировке это звучит так: «Чтобы установить значение представления, мы должны обдумать, какие практические последствия по необходимости произойдут. Если представление окажется истинным, сумма последствий и составит полное значение данного представления»(19). Представление до интерпретации автора и представление о интерпретации автора есть сумма представлений, которые являются полным значением данного представления, и, в контексте этого изложения, - завершением условного цикла семиозиса. На современном языке вышеуказанный принцип можно выразить следующим образом: смысл суждения заключается в его логических (или физических) последствиях.

В изложении профессора Кнабе вышеуказанное положение обрело следующее развитие:

«Главное в этой теории (по отношению к современной теории текста) – различие исходного, так сказать, материального смысла, заложенного автором и его временем в данный текст и делающего текст означаемым, и теми смыслами, которые в нём прорастают в ходе движения исторического опыта, играют роль означаемых и делают текст носителем обновляющегося семиотического значения. Текст как бы удваивается – один (если речь идёт, например, о литературе) создан автором в условиях своего времени, набран в типографии, имеет определённый объём и в этом своём неизменном виде хранится в библиотеке, другой прочитан в иное время и иными людьми, хотя бы, например, моим прадедушкой, моим отцом и мной. Он обновляется на каждом из этих трёх порогов, потому что моё сознание и мой опыт только отчасти совпадает с опытом моего прадеда и моего отца, и текст живёт, раскрывается в каждом из этих трёх этапов по-своему. Терминологически первый из этих «текстов» принято называть «произведением», второй – Текстом (с большой буквы)»(20).

Для анализа отношений между изложенными этапами я избрал семиотическую теорию Чарльза Сандерса Пирса, продолжающую своё независимое существование в современных направлениях семиотической науки.

«Означаемое – подвижно, изменчиво, исторически конкретно, благодаря этой подвижности живёт знак»(20).

Однако если идеи Ч.Пирса представляют собой знак, то по известному нам курсу семиотики культуры(20) он должен обладать четырьмя свойствами.

«Свойство первое состоит в том, что знак возникает и первое время функционирует в рамках ограниченной социокультурной группы»(20).

Так ли это по отношению к теориям Пирса?

Семиотические идеи Пирса, опубликованные в изданиях, далеких от круга чтения лингвистов, к тому же написанные крайне тяжелым языком, долгое время были малоизвестны за пределами США; независимо от него сходные идеи выдвигал Фердинанд де Соссюр(21), пришедший к ним не от математической логики, а от лингвистики.

Сам Пирс пишет:

«Моя идея знака так обобщена, что я наконец, потерял надежду на то, чтобы кто-нибудь понял ее, и поэтому в целях понимания я ограничу ее, чтобы определить знак как нечто, что, с одной стороны, детерминировано (или специфицировано) объектом и, с другой, так детерминирует мышление его интерпретатора, что последнее является, в силу этого, опосредованно детерминированным этим реальным объектом, который детерминирует знак... Детерминацию мышления Интерпретатора я называю Интерпретантой знака».

«...под «знаком» мы имеем в виду все, что угодно, любой природы, что подходит для производства специального ментального действия на мышление, в котором произведены определенные ассоциации – и я неизменно использую слово «ассоциация» в том смысле, в каком его использует подлинный ассоцианист, когда мы должны допустить, что музыкальный сигнал и команда, отдаваемые офицером солдату, являются знаками...»

Это цитаты из писем Джордану и Джеймсу от 5 декабря 1908 года и 26 февраля 1909 года(22).

В письме леди Уэлби от 23 декабря 1908 года, а также в упомянутом письме Джеймсу Пирс пишет, что детерминация Знака Объектом такова, что она впоследствии детерминирует Интерпретанту. Поэтому, если Знак является пассивным в отношении к Объекту и активным, когда относится к Интерпретанте, он обладает этой последней возможностью действия Объекта подобно тому, как брошенный мяч становится способным еще двигать что-то другое после того, как сам стучается об это другое. "Но эти умозаключения не находят отклика даже у узкого круга знакомых" - сообщает Пирс - «Очевидно, совершенно необходимо начинать с аккуратного и широкого анализа природы знака. Я определяю знак как предмет, который детерминирован чем-то еще, называемым его объектом и, таким образом, воздействующим на персону. Само воздействие я называю его интерпретантом так, что последний оказывается опосредованно детерминирован первым. Моя вставка «на персону» есть некоторого рода уступка Церберу, поскольку я потерял надежду на понимание моей широчайшей идеи...»(22).

Из этих писем видно, насколько ограничена социокультурная группа, в которой функционирует знак с именем «теория Чарльза Сандерса Пирса».

Всё вышеприведённые письма датируются 1908-1909 годом, когда основа идеи была уже давно создана. Пишутся для очень узкого круга людей, в котором, видимо, активно обсуждаются. В этом кругу теория имеет некое общее понимание, несмотря на ещё очевидно не устоявшийся терминологический мета-словарь концепции.

Относительно данного круга "Мы" есть совершенно ярко выраженные массообразные "Они", в адрес которых Пирс бросает, что «потерял надежду на то, чтобы кто-нибудь понял ее» - идею о знаке.

Вот это и есть положение о первом свойстве знака исторического объекта по Георгию Степановичу Кнабе: развитие и применение в узком кругу посвященных на первых этапах апробации.

«Второе свойство знака состоит в постоянно присущей ему способности «быть датированным», обнаруживать связь с определённой исторической эпохой, временем, и читаться через ассоциации с ним»(20).

Здесь мы находим самый интересный и обширный материал. Он кажется не всегда необходимым для прочтения знака, но недооценка этого материала или его недопрочтение может привести к

абсурдической «де-конструкции» Текста в историческом будущем. Однако, прежде чем приступить к изложению второго свойства «семиотических теорий Чарльза Пирса», как культурно-исторического знака, мне необходимо сделать короткую аннотацию для двух используемых Г.С. Кнабе терминов. Этими терминами являются «де-конструкция» и «деконструкция». В первом случае произнесённое слово пишется у автора через дефис, во втором случае – слитно. О первом из них сказано применительно к «прочтению» классического художественного произведения - трагедии Шекспира, которая в результате сего «прочтения» и соответственной постановки стала – не Шекспира, а излагателя - выдумщика, использующего «популярный бренд», для продвижения собственного взгляда на положения теорий Зигмунда Фрейда. «При таком прочтении трагедия перестаёт быть созданием автора, единым целым, конструкцией, и становится суммой отдельных элементов сюжета, находящихся во внешних переключках с мотивами, актуальными в культурном обиходе данного времени, т.е. предстает, как результат «де-конструкции» (через дефис)(20). О «деконструкции» (в варианте слитного написания) речь идёт, когда, не теряя авторского замысла, «текст откликается на восприятия, не связанные с авторским замыслом, и в ходе таких восприятий деконструируется. В отличие от «произведения» он оказывается совокупностью мотивов, приходящих извне текста, хотя и скрыто в нём тлеющих»(20). Граница смыслов между этими двумя терминами, как мы видим здесь, достаточно тонка. Для произведения искусства это не представляется настолько значимым, насколько значимым это представляется для исторического исследования.

Это граница между истиной и интерпретацией. Она не верифицируема, но её верификация и есть путь научного знания в историческом процессе. Проходит эта граница где-то в поле системы двух координатных осей, одна из коих, - шкала опыта эмоционально - физических переживаний собственного времени жизни исследователя; вторая - информация об опыте вне собственных переживаний. Проекция величин этих координат на плоскость совпадает в точке, которая может быть интерпретируема как знак. Но знак на данной плоскости имеет малую вероятность совпадения с местом предмета своего обозначения, который условно-поэтически, вслед за профессором Кнабе, назовём точкой истины. Ведь величины на осях приведённых координат почти никогда не сбалансированы под точку истины, которая и представляется, образно говоря, элементом линии конструкции, которая не является ни "де-конструкцией", ни "деконструкцией", а только первопричиной последних двух.

Остаётся добавить, что оба эти слова восходят своими историческими корнями к постструктуралистскому Дерридианскому термину «деконструкция», который, в свою очередь, тоже имеет некоторую склонность к семиотическим тенденциям. Деконструкция эквивалентна переконструированию, "перестройке" (как шутливо разъяснил Деррида, находясь в Москве). Она "двужестова". В деконструкции сохраняется связь с традиционной структурой и в то же время внутри нее производится что-то новое(23). «Деконструкция» характеризуется особым приемом - поиском в тексте "слепых точек", диалектически неразрешимых противоречий, обусловленных фактом его, текста, произведенности в определенный исторический момент и в определенном социальном месте»(24).

Теперь вернёмся ко второму свойству знака. Вот что является его характеристикой для объекта моего исследования.

Подобно многим другим ученым конца 19 в., Пирс внутренне глубоко переживал ситуацию религиозных распрей, последовавших за публикацией трудов Чарльза Дарвина. Не приемля догматической теологии и в то же время полагая, что наука не обязательно должна быть связана с

атеизмом, Пирс попытался создать философскую систему, в которой бы учитывались методы и результаты науки и которая, в то же время, была бы совместима с религией. Это очень напоминает стремления "последнего римлянина" Боэция, который пытался скрестить неоплатонизм с победившей уже христианской идеологией. Так и Пирс в своих трудах пытается показать, что эволюция в его понимании согласуется с Евангелием и что мы обладаем эмпирическим знанием о Боге. Таким образом, учёный стал автором «этического принципа, гласящего, что ограниченная длительность существования конечных существ логически требует отождествления наших интересов с интересами "неограниченно существующего" сообщества личностей и вещей.

(25) – «Неограниченно существующее» представляет как бы божественное, сакральное для конечного существа.

Эта мировоззренческая позиция создавала самого Чарльза Пирса в его эпохе.

На формирование учёного оказал влияние основоположник английского позитивизма Джон Стюарт Милль (1806-1873), который в своей работе «Утилитаризм»(26), вышедшей в 1861 году, высказывал идеи, близкие прагматистам. Что это такое? В переводе с греческого, прагматизм - «действие, поступок, дело, практика». У прагматистов оно получило еще значение: «польза, выгода». В философскую науку этот термин вошёл, как полагают, благодаря Иммануилу Канту (1724-1804), который еще в своей «Критике чистого разума» (1781) употребил выражение «прагматическая вера»(27).

На формирование прагматистской доктрины Чарльза Пирса оказал влияние не только Джон Милль, но также и другие европейские мыслители - Джордж Беркли (1685-1753), Джон Локк (1632-1704), Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770-1831), Чарльз Дарвин (1809-1882) и др.

От Беркли учёный унаследовал солипсическую тенденцию своей философии, от Джона Локка - интерес к изучению знаков, от Гегеля пытался заимствовать положение о практике как критерии истины, а эволюционные идеи Чарльза Дарвина приобрели в семиотической концепции интерпретацию мышления, как особого вида приспособительной деятельности организма. У Пирса был и американский предшественник - Чонси Райт, который, правда, получил известность не столько как оригинальный мыслитель, сколько как страстный пропагандист утилитаристских идей Джона Милля. Однако главным источником прагматизма Пирса стала сама Америка - обыденное сознание ее жителей и их образ жизни. Мировоззрение Пирса испытало воздействие взаимоотношений людей в буржуазно - предпринимательской Америке, в его мышление проник дух «здорового смысла», практицизма и утилитаризма, характерный для «американского образа жизни». - об этом писал Ю.К.Мельвиль(28). Идеи немецкого идеализма преломились через призму позитивистского эмпиризма, который, в свою очередь, получил утилитаристскую окраску.

Вместе с тем Чарльз Пирс, вслед за Гегелем, делал попытки истолковывать понятие практики не только с позиций здравого смысла американского обывателя, но и с собственно философской (гносеологической) точки зрения.

Ч.Пирс критически относился к философам, которые направляли свои усилия на поиск истин, оторванных от жизненной практики, от практических нужд обычных людей. Имеется в виду отношение к европейской философии 19 века. Между американским и европейским философом того периода заметна характерная разница: последний изобретал модели улучшения жизненного обустройства всего человеческого общества, а первый пропагандировал лишь успешное

приспособление индивида к условиям жизни, которое должно было, с его точки зрения, привести к улучшению жизни, опять же, не всего человечества, а отдельного человека, сумевшего на пути обогащения обойти других. Как и марксисты, прагматисты призывают к активному освоению мира, но разница между ними в том, что одни исходят из коллективистского (альтруистического) типа отношения к преобразованию действительности, а другие - из индивидуалистического.

Эти положения иллюстрируют второе свойство знака, которым в моём практическом опыте являются идеи Чарльза Пирса.

«То, что мы сочли означающим, действительно является означающим, и то, что мы рассматриваем как означаемое, действительно может быть признано означаемым, только если они принадлежат культурно-исторической системе своего времени и такая принадлежность может быть доказана» - написано у Г.С.Кнабе(20).

Переходя к третьему свойству знака, следует сказать несколько слов о его названии.

Оно выражено «странным сочетанием», которое звучит как «воображение знака». Автором сочетания является Ролан Барт (1915-1980). «Разбор и обоснование термина содержится в его замечательной маленькой статье того же названия (1963)»(29).

«Указанное свойство знака состоит в том, что общественный и культурный опыт, на основе которого человек переживает знак, постоянно меняется. Меняются события, атмосфера жизни, видение действительности, вместе с ним, следовательно, меняется мой опыт, а значит, означаемое, а значит, и сам знак» (20).

Соответственно, третье свойство знака, это способность его быть подверженным процессу семиозиса.

В статье Ч. Пирса, посвященной различным определениям знака, которая называется "76 определений знака", имеется следующее положение: "Знак или репрезентема - это что-то, что стоит для кого-то вместо чего-то другого в том или ином плане или отношении"(22). Перефразируя вышесказанное, позволю себе интерпретацию данной мысли. - То, что мы имеем возможность прочесть об идеях Пирса не у Пирса, есть то самое «что-то, что стоит для нас вместо чего-то другого». Этим же «что-то» является и то, что мы понимаем, читая самого Пирса. «Текст, другими словами, живёт и длится, никогда не кончен и всегда открыт в будущее» (20).

Ч.Пирс по праву признается одним из основателей семиотики, однако целостной картины он не оставил. Взгляды его менялись с ходом времени – это касается, в первую очередь, понимания знака, определений и частоты употребления понятий репрезентамена, репрезентации и других.

Фундаментальным единством различных определений знака, вычленяющих различные его значения, является постоянное повторение Пирсом идеи триадического характера знака – речь идет о том, что в любом эксплицитном или имплицитном определении знака наибольшее значение придается трем его конститутивным элементам, хотя указанные элементы не исчерпывают понятие знака у Пирса. Пирс варьировал наименования этих трех элементов, иногда проясняя это, иногда нет. Обозначая объект непосредственного восприятия (опыта), этого необходимого элемента происхождения всех семиотических феноменов, Пирс использует слова «репрезентация», «репрезентамен» и, особенно, «знак». Он использует термин «репрезентация» только в части текстов: «Репрезентация есть любая вещь, означающая или предназначенная для означения чего-то другого, и посредством которой это другое может быть означено чем-то, что

означает репрезентацию»(30), или «...что касается моей терминологии, я закрепляю слово репрезентация за действием знака или его отношением к объекту для интерпретатора репрезентации. Конкретный субъект, который репрезентирует, я называю знаком или репрезентативом. Я использую эти два слова, знак и репрезентатив, различно. Под знаком я имею в виду что угодно, что передает любое определенное понятие об объекте любым способом. Далее я начинаю с хорошо знакомой идеи и производжу наилучший анализ того, что является существенным для знака, и я определяю репрезентатив как то, к чему этот анализ прилагается»(31), или : «Достаточно сказать, что знак пытается репрезентировать, по крайней мере, частично, Объект, который является, следовательно, в некотором смысле причиной или детерминантой знака, даже если знак ложно репрезентирует свой объект. Но сказать, что он репрезентирует свой объект, значит имплицитно, что он воздействует на мышление и воздействует так, что, в некотором отношении, детерминирует в этом мышлении нечто, что опосредованно обусловлено Объектом. Это детерминация, непосредственной причиной, или детерминантой которой является знак и опосредованной причиной является Объект, может быть названа Интерпретантой»(32). Имеют место и другие использования термина, означающего акт репрезентирования(33). В одном из недатированных текстов это слово дается как синоним «знака»: «Идея знака, или репрезентация, является наиболее легкой из тех, которые обладают философским интересом. Знак замещает нечто по отношению к идее, которую он продуцирует или модифицирует, или он представляет собой средство, передающее мышлению нечто извне. То, что он замещает, называется его объектом, то, что он передает, его значением, идея же, которую он возвращает, его интерпретантой. Объект репрезентации не может быть ничем иным, кроме как репрезентацией, относительно которой первая репрезентация является интерпретантой. Но бесконечные серии репрезентаций, каждая из которых репрезентирует стоящую позади нее, могут восприниматься в качестве имеющих в качестве своего предела некий абсолютный объект. Значение репрезентации не может быть ничем иным, кроме как репрезентацией. Фактически ничего более, кроме как сама репрезентация, не представляет собой нечто, лишенное неуместных «одежд». Но эти «одежды» никогда не могут быть полностью сняты; они лишь меняются на что-то более прозрачное. Итак, здесь в наличии только бесконечная регрессия. В конце концов, интерпретанта есть ничто более как другая репрезентация, к которой направлен светоч истины; и в качестве репрезентации она вновь обладает своей интерпретантой. И так – вновь бесконечные серии». Все это свидетельствует в пользу того, что нет оснований для сохранения этого термина»(34).

Теперь перехожу к иллюстрации третьего свойства, которое называется «воображением знака». Здесь пойдет речь о развитии идей Пирса в работах Чарльза Морриса.

«Концепция Пирса была адаптирована для широкого читателя и развита в 1930-е годы Ч.У.Моррисом, который фактически и обеспечил ей всемирную известность, а самому Пирсу – статус основоположника семиотики. Правда, достигнуто это было ценой извлечения семиотических идей Пирса из широкого философского контекста, существенно отличного от взглядов как Ф.де Соссюра, так и Ч.Морриса.

Чарльз Уильям Моррис (1901-1978). В1925 году окончил Чикагский университет.

В своей первой работе, посвященной теориям разума ("Шесть теорий разума", 1932), Моррис рассматривал разум с различных теоретических позиций.

1. Как субстанции (Платон, Аристотель, Р. Декарт и др.);
2. Как процесса (Г. Гегель, Ф. Брэдли и др.);
3. Как отношения (Д. Юм, Э. Мах, Б. Рассел и др.);
4. Как прагматической функции (А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, большинство представителей школы прагматизма и др.);
5. Как интенционального акта (Ф. Brentano, Э. Гуссерль и др.);
6. Как знаковой концепции (Сам Чарльз Моррис)(35).

В вышедшем в 1937 г. сборнике статей "Логический позитивизм, прагматизм и научный эмпиризм" Моррис стремился связать и примирить неопозитивизм с американским прагматизмом. Спустя год была написана книга, принесящая Моррису известность. Она называлась "Основы теории знаков", идеи которой находят развитие в более поздней работе "Знаки, язык и поведение" (1946). С изучением знаковых конструкций был связан интерес Морриса к структуре ценностей, анализу которой были посвящены работы "Пути жизни" (1942), "Открытое Я" (1948), "Разнообразие человеческих ценностей" (1958), "Обозначение и смысл. Изучение отношений знаков и ценностей" (1964).

Ч. Моррис возлагал на семиотику большие надежды. Он видел в ней не только одну из наук, предметом которой являются знаковые системы, но и «орудие для объединения всех наук». Поскольку человеческая культура основана на знаковых системах, изучение таких систем является важной задачей различных гуманитарных дисциплин (психология, логика, эстетика, антропология и др.), однако существует определенный недостаток теоретической базы, которая позволила бы обобщить результаты этих дисциплин. Эту проблему Моррис пытается решить с помощью семиотики как науки о знаках.

Процесс, в котором нечто функционирует как знак, есть процесс семиозиса. Моррис вводит понятие метазнаков, т.е. знаков, сообщающих о знаках, и разъясняет тот факт, что знаки, указывающие на один и тот же объект, не обязательно имеют те же десигнаты (понятийные совокупности). Не все десигнаты связаны с реальными объектами (денотатами). Моррису принадлежит общепринятое теперь подразделение измерений семиозиса на:

отношение знаков к их объектам (семантика),

на отношение знаков к их пользователям, или интерпретаторам (прагматика) и

на отношение знаков друг к другу (синтаксис).

В разделе "Природа знака" книги "Основы теории знака"(36) он пишет: "Процесс, в котором нечто функционирует как знак, можно назвать семиозисом". Этот процесс «рассматривался как включающий три (или четыре) фактора:

то, что выступает как знак;

то, на что указывает знак и

воздействие, в силу которого соответствующая вещь оказывается для интерпретатора знаком.

Эти три компонента семиозиса могут быть названы соответственно знаковым средством (или закононосителем), десигнатом и интерпретантой, а в качестве четвертого компонента может быть введен интерпретатор.

Ч. Моррис настойчиво подчеркивал эти стороны семиозиса, и со временем установилась традиция анализировать семиотический знак по трем направлениям:

семантическому (исследующему соотношению знака и изображаемого),

прагматическому (исследующему связи знака - его интерпретатор) и

синтаксическому (исследующему связи знаков между собой, обычно в знаковой системе).

На основе разных способов обозначения он выделяет пять типов знаков:

знаки-идентификаторы (т. е. те, которые отвечают на вопрос "где?");

знаки-десигнаторы (знаки, отвечающие на вопрос "что такое?");

оценочные (связанные с предпочтением, отвечающие на вопрос "почему?");

прескриптивные (отвечающие на вопрос "как?");

формирующие, или знаки систематизации (направляющие поведение интерпретатора в отношении других знаков).

Моррис пишет, что личность, которая в состоянии увидеть знаковые феномены с точки зрения семиотики, более восприимчива к тонким различиям использования и способов обозначения, которыми являются знаковые ресурсы культуры. С самого рождения и до момента смерти, каждый день, человек находится под непрерывным давлением знаков, без которых его жизнь не мыслима. По степени воздействия Моррис ставит на первое место

знаки-десигнаторы (называющие или описывающие, несущие чисто информационную нагрузку),

затем аппрайзеры (оценочные), затем

прескрипторы (предписывающие) и, наконец,

форматоры (вспомогательные).

Все они тем или иным образом влияют на поведение человека и составляют неразрывные четыре элемента прагматики как науки. Предметом этой науки является воздействие слова на поведение человека. Прагматика, в свою очередь, является частью более широкой науки, семиотики. Таким образом, мы видим, что в концепции Ч. Морриса достаточно большую роль играет вопрос о влиянии знака на поведение человека. В самом основании теории Морриса лежит принципиально иное понимание знака, чем у Соссюра и Пирса, рассматривающих знак исключительно как ярлык, отсылку или замещение какого-либо предмета или явления действительности, то есть с точки зрения его функциональной нагрузки. У Морриса знак представляет собой подготовительный раздражитель, смысл которого - побуждение к действию. Однако следует понимать, что стремление рассматривать социальную жизнь внутри связки "стимул - реакция" было весьма свойственно американской философии двадцатого века. И прагматизм Чарльза Пирса вполне ощутим в таких иных, на первый взгляд, и строго оформленных

положениях о знаке Чарльза Морриса. Следует отметить, что американский неопозитивизм в лице Морриса представлял собой интересную научную школу, внесшую большой вклад в развитие современной семиотики и связанных с ней направлений в гуманитарных науках, среди которых можно выделить культурологию Тартуской школы и различные структуралистские течения второй половины 20-го века. Через них, возникая одно из другого, «воображение знака» с именем Семиотические Идеи Чарльза Пирса стало достоянием и инструментом исторического исследования.

В этом отрывке демонстрируется как бы сдвоенное свойство «воображения знака». Так называемый «кадр в кадре». Понимание семиотической идеи Пирса Моррисом, понимание понимания Моррисом Пирса структуралистами.

Вот это самое « движение сквозь время, всегда заданное знаку по его природе, обнаружение в нём не только эпох, но даже и веяний, настроений и есть третье свойство – «воображение знака» - пишет Г.С. Кнабе(20).

Отсюда вытекает четвёртое, последнее, «подлежащее нашему рассмотрению, самое главное и коренное свойство знака – единство в нём объективной картины мира и личного её переживания, а, следовательно, его неисчерпаемость общезначимой рациональной логикой»(20). Данное высказывание иллюстрирует вышеизложенную модель о координатах знака. У самого же Пирса об этом написано так: «Знак есть Познаваемое, которое, с одной стороны, так детерминировано (т.е. Специализировано) чем-то другим относительно себя самого, называемым его объектом (или, в некоторых случаях, когда Знак есть предложение «Каин убил Авеля», в котором Каин и Авель являются равным образом Частичными Объектами, более убедительно, быть может, говорить, что то, что детерминирует Знак, есть Комплексность, или Тотальность, Частичных Объектов. И в каждом случае объект есть в точности Универсум, членом или частью которого является специальный объект), в то время как, с другой стороны, он так детерминирует некоторое актуальное или потенциальное Мышление, где детерминацию я называю Интерпретантой, созданной Знаком, так, что это интерпретирующее мышление является, тем самым, косвенно детерминированным Объектом»(22).

По теории Пирса, условный "первоисточник" тоже обязан являться интерпретацией какого-либо объекта... Поэтому подлежит сомнению, что хотя бы один специалист не увидел бы в семиотических идеях Пирса чуть-чуть иного, нежели любой другой. Мысли Пирса прожили долгую жизнь, и, как бы ни прочитывались его тексты, как концепция это учение уже не отделимо от положений современных семиотических школ и даже от идей Фердинанда де Соссюра. Потому, что «...Существенная природа знака заключается в том» - пишет Пирс - «что он выступает посредником между своим объектом, который, предполагается, он детерминирует и который, в некотором смысле, является его причиной, и своим значением, или, как я предпочитаю говорить, чтобы избежать двусмысленностей, Интерпретантой, которая детерминируется знаком и является, в некотором смысле, его производением, и которую знак репрезентирует....»(22).

Возможность повсеместного присутствия знаковости приводит Пирса к пансемиотической исходной предпосылке, согласно которой познание, мышление и даже сам человек имеют семиотическую природу. Как и любой знак, любая мысль связана с объектами мира и с другими мыслями, потому что «всё, о чём мы размышляем, имеет прошлое». Наконец, Пирс приходит даже к выводу, что «всякая мысль есть знак». Этот знаковый характер мыслей «в совокупности с тем фактом, что жизнь представляет собой поток мыслей, доказывает, что человек есть знак».

Этот семиотический взгляд на человека и человеческое познание относится к настоящему, прошедшему и будущему:

Человек денотирует всё то, что является объектом его внимания в текущий момент. Он коннотирует всё то, что он знает об этом объекте, чувствует (от взаимодействия с ним) и то, что является воплощением формы объекта или способом его понимания. Интерпретанта человека - будущее воспоминание об этом познании, его будущее "я", или другое лицо, к которому он обращается.

Пирс пишет о знаке, что Знак, или репрезентамен, есть нечто, что для кого-нибудь в определённом отношении или в силу некоторой способности представляет нечто. Он обращён к кому-то, т. е. производит в сознании этого человека эквивалентный знак или, возможно, более развитый знак. Знак, который он производит, называется интерпретантой первого знака. Знак представляет объект не во всех отношениях, но в отношении к некоторого рода идее.

Знак, таким образом, - это не некий определённый класс объектов, но любое нечто, которое обеспечивает триадическое отношение опосредствования между Первым и Вторым.

Интерпретация или «интерпретирующая мысль» предполагает человека или животное в качестве интерпретатора. Мышление не обязательно должно быть связано с мозгом. Оно проявляется в работе пчёл, в кристаллах и повсюду в чисто физическом мире. Поэтому, согласно Пирсу, знаки обнаруживаются не только в мыслительных, но также в биологических, химических и даже физических процессах, и поэтому «весь универсум пронизан знаками».

Это утверждение демонстрирует неисчерпаемость того знака, который идентифицирован здесь, как «идеи Чарльза Сандерса Пирса». Эти идеи, претерпев во времени слияние с идеями Фердинанда де Соссюра, претерпев развитие в работах Фрегги, Ролана Барта, Юрия Михайловича Лотмана, Цветана Тодорова, в постструктуралистском смысле обнажили «слепые точки» конструкции, как невозможные к обнаружению в 19 веке, но в конце двадцатого вполне видимые благодаря открытиям, связанным с психо-генно-нейро-лингвистической стороной семиотики и изложенные в работах В.В. Иванова «Чёт и нечет», «Введение в описательную семиотику» и «Семиотика науки». В этих текстах живёт и продолжает претерпевать свою интерпретанту, оставаясь при этом неисчерпанным знак историко-культурного семиозиса с именем «идеи Чарльза Спенсера Пирса».

Вячеслав Всеволодович Иванов пишет: «На протяжении истории человеческого познания мира несколько раз менялось представление о том, в какой мере и в каких случаях можно считать осмысленным сообщения, направленные к человеку, или другого рода получаемые из внешнего мира или изнутри нервной системы сигналы, человеком воспринимаемые как знаки» (С.31.). «По мере придания всё большего значения процессам человеческой знаковой бессознательной деятельности в психоанализе и аналитической психологии граница между инстинктом и интеллектом становилась менее определённой» (С.38.). «Мы находим (и) у пчёл те самые условия, без которых невозможен ни один язык: способность формировать и интерпретировать «знак», его расчленять ..., этим актам, хотя и в зачаточной форме, присуща подлинная символика, с помощью которой объективные данные транспонируются в формализованные телодвижения, состоящие из переменных элементов и постоянного «значения» (С.46.). И далее: «Важнейшим отличием передачи информации, используемых беспозвоночными и низшими позвоночными, от человеческих средств общения»... «является то, что первые наследуются, то есть передаются генетическим способом, а вторые усваиваются при обучении» (С.48.)(37).

Каким же образом возможна современная классификация «знака» без этих положений, а также без того, что происходит со «знаком» в связи с деятельностью различных отделов головного мозга? «Знак» живёт и уже не может «дословно» быть тем, что он означал в 19 веке. Часть его «слепых точек» оказалась проявлена. В 21 веке он не может выглядеть так, как он выглядел в 19. Об этом кое-что можно прочесть и у самого Пирса: «Я использую слово знак в самом широком смысле для любого медиума коммуникации и экстенции (расширения) Формы. Будучи медиумом, он детерминирован чем-то другим, называемым его Объектом, и детерминирует другое, называемое его Интерпретантой. Но в мышлении должны быть порождены некоторые дистинкции для того, чтобы правильно понять то, что имеется в виду под Объектом и Интерпретантой. Для того, чтобы Форма могла быть добавлена или сообщена, необходимо то, что она должна быть включена в Субъект независимо от коммуникации; необходимо, что должен быть другой субъект, в который включена та же самая форма, только как следствие коммуникации. Форма (и Форма есть Объект Знака), поскольку она реально детерминирует первый (исходный) Субъект, совершенно независима от знака; и все же мы можем и действительно должны сказать, что Объект знака не может быть ничем, кроме того, что знак репрезентирует. Следовательно, для того, чтобы согласовать эти две, вероятно, конфликтующие Истины, совершенно необходимо отделить непосредственный объект от динамического объекта»(22). Непосредственный объект в нашем случае уже продолжает существовать лишь для истории науки, а динамический объект продолжает проявлять свою динамику в современной семиотике.

Вот, собственно, четвёртое свойство знака, в соответствии с идеями исторической семиотики, в этом и раскрывается.

В вышеизложенной части своей работы я продемонстрировал подход к объекту семиотического исследования, как к историко-культурному и вместе с тем научному материалу. Этот подход является частью метода, предлагаемого в курсе «Семиотика культуры» профессором Г.С. Кнабе. При этом научно-исторический текст может быть рассмотрен лишь как Текст семиотический, несмотря на то, что он обязательно раскрывается в максимально возможном диапазоне своих концептуальных положений и в динамике своего развития. «Семиотический текст вбирает в себя позднейшие смыслы, в исходном замысле возможные, но непосредственно и прямо в нём отсутствующие. Поэтому выводы из семиотического анализа всегда остаются более убедительными, чем доказательными. Доказательность есть стихия «произведения» (в нашем случае «идеи»), и опирается она на прямой смысл документов, с «произведением» связанных. Дело семиотика, который работает не только с «произведением», но и с Текстом, строить свой анализ системно и потому убедительно, проверяемо, но на однозначную документальную доказательность он претендовать не может и не должен»(20).

4. Заключение.

"...хотя новые парадигмы редко обладают или никогда не обладают всеми возможностями своих предшественниц, они обычно сохраняют огромное количество наиболее конкретных элементов прошлых достижений и, кроме того, всегда допускают

дополнительные конкретные решения проблем"(38) - этими словами Томаса Куна, я хотел бы закончить свою работу по анализу и персонификации историко-культурного метода, являющегося частью семиотического знания и, вместе с тем, - частью исторической методологии, что характеризует данное направление, как область, связанную с когнитивным подходом к научной проблеме.

Однако, в связи с вышеуказанным определением, нельзя ничего не сказать о собственно исторической методологии. Минюя Фуко(39), Анкерсмита(40) и Вико(41), обратимся к той традиции, к которой обращается сам Георгий Степанович Кнабе. К трактату Тертулиана "О плаще"(42).

Римский мыслитель, не применяя, разумеется, структурального анализа, описательно, но последовательно осуществляет, собственно говоря, историко-семиотический анализ знака с именем Римский Плащ. Это удивительно, но это так. Следуя тексту трактата, мы можем легко узнать те самые четыре свойства знака, о которых говорилось выше.

Сначала плащ представляет в себе узкий круг "избранных" граждан! Он - знак отличия правящей группы, причина гордости, что не всегда понимается и принимается окружающим миром.

Далее, «Второе свойство знака состоит в постоянно присущей ему способности «быть датированным», обнаруживать связь с определённой исторической эпохой, временем и читаться через ассоциации с ним». Именно это и проделывает Плащ Тертуллиана (примерно 155 - 220 гг. н.э.). Идея символизации избранности утрачивается с принятием в "избранные" всех свободных жителей империи, каждый из которых становится равноправным римским гражданином. А в христианскую эпоху римской истории (примерно с 3 по 5 век нашей эры), с 440 года, можно говорить о принятии в эти, так называемые "избранные", и несвободного населения империи, если вспомнить тексты Сальвиана о том, что свободному становится выгоднее быть рабом или даже рабом варваров, нежели римским гражданином(43). Разумеется, на семиотическом знаке эпохи, Римском Плаще, исторические процессы начала эры отражаются определённым образом.

Плащом начинают пренебрегать наследники власти, преемники тех, кто им гордился! Во-первых, из-за соображений рационализма - империя стала государством различных климатических зон, а во-вторых - из-за нежелания быть лично ответственными за исторические деяния людей в римских плащах. Эти деяния непрерывно растущей группой населения начинают осмысливаться критически, причём, учитывая судьбу некоторых эллинизированных носителей античных ценностей, я имею в виду судьбу Гипатии Александрийской (370 - 415 гг. н. э.)(45), - с большим знаком минус. Можно, наверное, не упоминать о том, что великий римский "интернационал" четвёртого века не видел особых различий между латинскими и эллинскими ценностями. И то и другое воспринималось, как зло, совершенно неприемлемое и неприменимое к теории царства Божия. Об этом подробно можно прочесть у С.С. Аверинцева или у Н.А. Осокина(45).

Данное место моего изложения находится уже в зоне третьего свойства знака. "Общественный и культурный опыт, на основе которого человек переживает знак, постоянно меняется. Меняются события, атмосфера жизни, видение действительности" - происходит "воображение знака". Об этом свойстве пишет Тертуллиан, говоря об отношении к Римскому Плащу его современников.

Четвёртое свойство знака, самое главное и коренное - это единство в нём объективной картины мира и личного её переживания, а следовательно, его неисчерпаемость общезначимой рациональной логикой"...

Многие читали об истории жизни и судьбе гражданина Тертулиана. И тот, кто читал, кроме того, жизнеописание римского гражданина Лукиана (около 125-192 гг. н. э.), найдёт много схожего в их судьбе, но ничего общего в проблематике их произведений. Оба они провинциалы начала эры с неплохим эллинистическим образованием и временной промежуток между периодами их жизнью практически отсутствует. Более того, оба писали свои суждения на исторические темы(46).

Но какое же разное у них восприятие времени! Лукиан воспринимает время как бесконечную череду циклов, которые только описывать возможно по-разному, и лучше или хуже. А так всё в нём незыблемо. Мир сменяется войной, война миром. Однажды родившись, ничто не умирает, а только приумножает картину. Даже Платон, Сократ и герои Эллиады не исчезли, а живы и продолжают свои споры на островах параллельного, но легко доступного автору мира. Эта атмосфера вечна и единственна, и обща, и у неё нет разумной альтернативы. Из этого могло бы логически следовать, что вечен и Рим и Плащ Тертуллиана. Но Тертуллиан обладает другим знанием времени. Время Тертуллиана линейно. В противном случае он вряд ли считался бы отцом церкви. Его Время имеет начало и конец. Момент сотворения и момент конца Времени – апокалипсис. Эта линейность восприятия отражена и в истории его Плаща.

С Римским Плащом исчезнет старое восприятие времени, истории и опыт его современников. Вот оно, положение о единстве общей картины мира и личном её переживании. Зададимся вопросом, почему же личное переживание общей картины мира двух римских граждан, находящихся в одном историческом времени, настолько различно? Можно предположить, что у них не было общей картины мира. Картина мира сломалась где-то посередине их существования, именно в тот промежуток времени античный мир начал навсегда исчезать, сменяясь христианским. Как констатацию окончательной смерти, метафорически выражаясь, Римского Плаща, можно рассмотреть другую точку личного переживания картины мира. Например, так называемый, "последний римлянин" Северин Бозций (480—524 гг. н. э.) (47), в своём предсмертном труде лично переживает дискурс эпохи античности, несмотря на то, что этой эпохи больше нет. Деталью же, сообщающей, что именно этот момент истории становится последним днём жизни «Римского Плаща», можно рассмотреть тот факт, что последний раз в истории новой эры в работе философа отсутствует христианская идеология и ни разу не упомянуто имя Христа(48). Эта работа называется «Об утешении философией». Автор писал её накануне казни.

В моём изложении речь шла о том, как с помощью историко-культурного метода, где объект, процесс или текст, анализируется как семиотический знак, исследователь имеет возможность овладеть языком альтернативного описания исторического исследования, что, в перспективе, может быть использовано для более чёткого прояснения той или иной характеристики предмета исторического исследования. Как писал Ю.М. Лотман(49), один язык описания это неплохо, но два и более - объективнее.

Литература.

Г.С. Кнабе. Древо познания и древо жизни. Москва. РГГУ. 2006.

В.В.Иванов. Избранные труды по семиотике истории культуры. Том 4. Семиотика культура, искусства, науки. Языки славянских культур. Москва 2007.

Иванов Вяч. Вс. Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем. — М. Сов. радио. 1978. — 184 с., ил. «Кибернетика»

В.В.Иванова. Очерки по истории семиотики в СССР. М.: Наука, 1976.

Серебряный С. Д. О "советской парадигме": Заметки индолога. РГГУ. 2004 .

- Зенкин С.Н. Введение в литературоведение: Теория литературы.
<http://www.iek.edu.ru/publish/pult10.htm>
- Нёт В. Чарлз Сандерс Пирс//Критика и семиотика. Вып.3/4, 2001.
- Жак Деррида.. 2000. О грамматологии. М., Ad marginem.
- Жак Деррида. Деконструкция европейского мышления. Баланс. Штегмайер В.
- Герменевтика и деконструкция / Под ред. Штегмайера В., Франка Х., Маркова Б. В. СПб.,1999.
- Мельвиль Ю. К. 1968. Чарлз Пирс и прагматизм: (У истоков американской буржуазной философии XX века). [М.], Изд-во Моск. ун-та.
- Дмитриев Т. [Рец. на: Пирс 2000а, b] http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_5_6/2000_5-6_15.htm
- Пирс Ч. С. 1996. Закрепление верования; Как сделать наши идеи ясными. Вопросы философии 1996.
- Пирс Ч.С. Из работы "Элементы логики. Grammatika speculativa" // Семиотика / Под ред Ю.С.Степанова.- М., 1983
- Пирс Ч. С. Начала прагматизма. СПб., Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя. 2000а.
- Пирс Ч. С. Логические основания теории знаков СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя. 2000b.
- Эко У. 1998. Отсутствующая структура: Введение в семиологию. [СПб.], ТОО ТК "Петрополис".
- Соссюр 1916 – Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Пер. с фр. под ред. Ф. Ф. Холодовича. М.: Прогресс, 1971.
- Постмодернизм. Можейко М. А., Грицанов А. А., Постмодернизм Энциклопедия, серия: "Мир энциклопедий", 2001 г., Изд.: Интерпрессервис, Книжный Дом.
- Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика / Под ред. Ю.С.Степанова.- М., 1983.
- Мифы народов мира. в 2-х томах, Москва, 1982.
- Готтлоб Фреге. Логика и логическая семантика. Сборник трудов.
Аспект-Пресс, 2000. Смысл и денотат (1892), Понятие и вещь (1892), Функция и понятие (1891).
- Ролан Барт. Избранные работы. Семиотика, Поэтика. М.,1989.
- Томас Кун. Структура научных революций. АСТ.2002.
- Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук. СПб: А-сад, 1994.
- Анкерсмит Ф. Нарративная логика: Семантический анализ языка историков.
Пер. с англ. О. Гавришиной, А. Олейникова. Под науч. ред. Л. Б. Макеевой. М.: Идея–Пресс, 2003.

Тертулиан. О плаще. Серия: Античное христианство СПб Алетейя 2000г.

Осокин Н.А. История средних веков. АСТ. 2005.

Уколова В. И. Последний римлянин Бозций. Из истории мировой культуры. М. Наука.1987г.

Ссылки.

1. Очерки по истории семиотики в СССР – М.: Наука, 1976.

2. Грицанов А. История философии. Энциклопедия.
http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Grican/_137.php.

3. В.В.Иванов. Избранные труды по семиотике истории культуры. Том 4. Семиотика культура, искусства, науки. Языки славянских культур. Москва 2007.

4. Иванов Вяч. Вс. Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем. — М. Сов. радио. 1978. — 184 с., ил. («Кибернетика»)

5. Г.С. Кнабе. Древо познания и древо жизни. Москва. РГГУ. 2006.

6. Иванов Вяч. Вс. Очерки по истории семиотики в СССР – М.: Наука, 1976.

7. Мифы народов мира. в 2-х томах, Москва, 1982.

8. В. В. Иванов. Очерки по истории семиотики в СССР – М.: Наука, 1976.

9. Peirce, Charles Sanders (1839–1914)

10. The Grand Logic.

11. The Fixation of Belief, 1877.

12. How to Make Our Ideas Clear, 1878.

Его работы также были изданы в 6-ти томах Собрания трудов (Collected Papers, 1931–1935) и дополнительных 2-х томах Собрания трудов (1958).

(<http://www.krugosvet.ru/articles/09/1000957/1000957a1.htm>)

13. Степанов, ред. 1983: 151-210. Grammatica speculativa.

14. Чарльз Сандерс Пирс. Начала прагматизма: В 2-х тт. / Пер. с англ. и предисл. В.В.Кирющенко, М.В.Колопотина; послесл. В.Ю.Сухачева. - СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000 (серия "Метафизические исследования. Приложение к альманаху").

Первый том: "Некоторые последствия четырех неспособностей" (1868), "Основания силы законов логики" (1868), "Закрепление убеждения" (1877), "Как сделать наши идеи ясными" (1877), "Что есть прагматизм?" (1905), "Вопросы прагматизма" (1905), "Пролегомены к апологии прагматизма" (1906). Второй том: "Принципы феноменологии" (1880-1905), Grammatica

Speculativa (издательская компиляция 1931 г.), письма Сэмюэлю П.Лэнгли и "Юм о чудесах и законах природы" (1901), письма к леди Уэлби (1903-1911).

15. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Семиозис>.

16. Готтлоб Фреге.

Логика и логическая семантика. Сборник трудов.

Аспект-Пресс, 2000. Смысл и денотат (1892), Понятие и вещь (1892), Функция и понятие (1891).

17. Сергей Дмитриевич Серебряный. О советской парадигме (заметки индолога). РГГУ. 2004.

18. Постмодернизм. Можейко М. А., Грицанов А. А., Постмодернизм Энциклопедия, серия: "Мир энциклопедий", 2001 г., Изд.: Интерпрессервис, Книжный Дом.

(<http://ru.wikipedia.org/wiki/>)

19. How to Make Our Ideas Clear, 1878.

20. Древо познания и древо жизни. Семиотика культуры. Г. С. Кнабе. РГГУ.2006.

21. http://ru.wikipedia.org/wiki/Фердинанд_Соссюр.

<http://www.krugosvet.ru/articles/53/1005378/1005378a1.htm>.

Фердинанд де Соссюр. Курс общей лингвистики. Ком Книга. Серия: Лингвистическое наследие XX века. 2006.

22. Чарльз Сандерс Пирс. Начала прагматизма: В 2-х тт. / Пер. с англ. и предисл. В.В.Кирющенко, М.В.Колопотина; послесл. В.Ю.Сухачева. - СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000 (серия "Метафизические исследования. Приложение к альманаху").

Первый том: "Некоторые последствия четырех неспособностей" (1868), "Основания силы законов логики" (1868), "Закрепление убеждения" (1877), "Как сделать наши идеи ясными" (1877), "Что есть прагматизм?" (1905), "Вопросы прагматизма" (1905), "Пролегомены к апологии прагматизма" (1906). Второй том: "Принципы феноменологии" (1880-1905), Grammatica Speculativa (издательская компиляция 1931 г.), письма Сэмюэлю П.Лэнгли и "Юм о чудесах и законах природы" (1901), письма к леди Уэлби (1903-1911).

К.Д.Скрипник, доктор философских наук Семиотический глоссарий: определения знака в семиотике Ч.Пирса. Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 03-03-00151а. (http://www.credonew.ru/credonew/02_04/8.htm).

23. <http://culture.niv.ru/doc/poetics/rus-postmodern-literature/005.htm>.

Жак Деррида: деконструкция европейского мышления. Баланс. Штегмайер В.

Герменевтика и деконструкция / Под ред. Штегмайера В., Франка Х., Маркова Б. В. СПб.,1999.

24. Зенкин С.Н. Введение в литературоведение: Теория литературы. Литературоведческие направления и школы (<http://www.iek.edu.ru/publish/ltcont.htm>).

25. <http://www.krugosvet.ru/articles/09/1000957/1000957a1.htm>.
26. Mill, John Stuart. Utilitarianism, 1863.
27. Иммануил Кант "Kritik der Urtheilskraft / Критика чистого разума". АСТ, Астрель. 2006.
28. Мельвиль Ю.К. Чарлз Пирс и прагматизм. М., 1968.
29. Ролан Барт. Избранные работы. Семиотика, Поэтика. М., 1989.
30. В «Teleological Logic» 1865 года.
31. В «On representation» 1873 года), в других местах (см., например, «Notes on «A new List of categories» 1899 года, «Lowell Lectures» 1903 года.
32. «Some Amazing Mazes, Fourth Curiosity» 1909 года.
33. Валерий Петрович Даниленко. У истоков Моррисовской парадигмы в американской лингвистике. (<http://www.islu.ru/danilenko/articles/paradigm.htm>).
34. Семиотический глоссарий: определения знака в семиотике Ч.Пирса. Работа выполнена при поддержке РФНФ, грант № 03-03-00151а. (http://www.credonew.ru/credonew/02_04/8.htm).
35. А.А. Грицанов . Чарльз Моррис.
(http://snoistfak.mgpu.ru/Gender_History/authors/a_48.html).
36. Моррис, Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. Сборник переводов. Под ред. Ю. С. Степанова. М.: Радуга, 1982.
37. В.В.Иванов. Избранные труды по семиотике истории культуры. Том 4. Семиотика культура, искусства, науки. Языки славянских культур. Москва 2007.
38. Томас Кун. Структура научных революций. АСТ.2002.
39. Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук. СПб: А-сэд, 1994. - англ.: The order of things. London, 1970. ; франц. оригинал: Les mots et les choses. Paris, 1966.
Мишель Фуко. Археология знания. Гуманитарная Академия, 2004 г.
40. Анкерсмит Ф. Нарративная логика: Семантический анализ языка историков.
Пер. с англ. О. Гавришиной, А. Олейникова. Под науч. ред. Л. Б. Макеевой.
М.: Идея–Пресс, 2003.
41. Джамбаттиста Вико (Vico, Giambattista) (1668–1744). Основания новой науки об общей природе наций. (Principi di una scienza nuova d'intorno alla comune natura delle nazione., или просто Scienza nuova). <http://www.krugosvet.ru/articles/10/1001090/1001090a1.htm>.
42. Тертулиан. О плаще. Серия: Античное христианство СПб Алетейя 2000г.
43. Осокин Н.А. История средних веков. АСТ. 2005.
Сальвиан родился в 390 году и умер между 484 и 492 годом.

(<http://gatchina3000.ru/brockhaus-and-efron-encyclopedic-dictionary/090/90266.htm>.)

44. http://anthropology.rchgi.spb.ru/tertullian/tertullian_s.htm

45. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Гипатия>

Осокин Н.А. История средних веков. АСТ. 2005.

С.С. Аверинцев. Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от

Античности к Средневековью. Л., 1973.

46. «Разговоры богов» и «Разговоры мертвых», перевод Е. Шниткинда, Киев, 1886; Сочинения, перев. В. А. Алексеева, вып. I—III, СПб, 1889—1891; Избранные сочинения, перев. Чечулина, СПб, 1909; Неполный перев., под ред. Ф. Зелинского и Б. Богаевского: Лукиан, Сочинения, т. I, М., 1915; Изд. Sommerbrodt, Berlin (Wiedmann). Полный перев. на франц. яз.: Eugene Talbot, I—II, P.-Nachette, 1882.

<http://ru.wikipedia.org/wiki/Лукиан>.

Хрестоматия по античной литературе. В 2 томах. Для высших учебных заведений. Перевод К.В. Тревер Том 1. Н.Ф. Дератани, Н.А. Тимофеева. Греческая литература.

М., "Просвещение", 1965.

Лукиан. Как следует писать историю.
(http://skydger.olegern.net/literature/lukian/writing_history.html).

47. http://ru.wikipedia.org/wiki/Аниций_Манлий_Торкват_Северин_Боэций.

48. http://ru.wikipedia.org/wiki/Северин_Боэций.

Уколова В. И. Последний римлянин Боэций. Из истории мировой культуры. М. Наука.1987г.

49. Лотман Ю. М. Л80 Семиосфера. — С.-Петербург: «Искусство—СПБ», 2000.

РГУ. 2008.